

U $\frac{178}{1043}$

ИОСИФ КИСЕЛЕВ

$\frac{801-16}{721}$

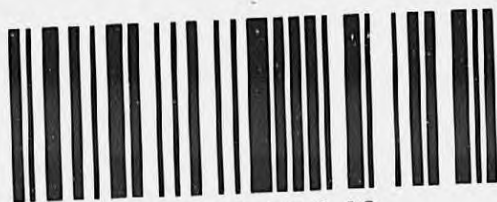
ИНТЕРВЬЮ

СТИХИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УКРАИНЫ
1928

[89171 — 1 (081)]

2011119149

Укрголовліт № 2938. 1927. Зак. № 1106. Тир. 2000.

ИНТЕРВЬЮ

Быть может, память нелегко тревожить,
Как заполненный тюками трюм.
Но мне покоя памяти дороже
Дни, когда я в прошлое смотрю.

И сквозь года, как сквозь стекло, я вижу,
Я вижу дней хронометражный бег,
И голова моя склоняется все ниже,
Чем глубже я раскапываю век.

За годом год... И в пушкинской кибитке
Я мчусь в Тульчин со звоном бубенцов.

За часом час... И у калитки
Я вижу Пестеля суровое лицо.

Он жмет мне руку по-солдатски, просто,
И говорит, стянув гармошкой лоб:
— Хотя к борьбе готовились мы в досталь,
Но нам отчаянно не повезло.

Предатели, как гончие собаки,
Обнюхивают человеческий след:
Мы потому и не сумели в драке
Сорвать с России царских эполет,

Мы не смогли курок нажать как надо,
Перед врагом, как дети, оробев.
И потому, как грохот канонады,
Еще стучит, еще стучится гнев.
Хотя ругать друзей своих не смею,
Но до сих пор я многим не простил
За то, что мы оставили Рассею,
Как путника, ямщик на полпути.
За то, что мы, клубясь, как дым над крышей,
Слова, как мяч, бросали наобум.
Мне до сих пор потомков ропот слышен,
Что для себя готовили мы бунт.
Но, видит бог, я собственною пинагой
Проткнул бы сам, как чучело, царя.
И я свою холодную отвагу
Не растерял и не развеял зря,
Не трусил я, когда худую шею,
Как пальцы, сдавливала скользкая петля:
Я знал — заплачет вербами Рассей
И, словно люди, загустят поля.
Кончил Пестель. И я забыл про бога,
Про грусть полей, про офицерский чин.
Про то, что вот, сомкнувши губы строго,
Передо мной стоит дворянский сын.

Я все простил. Но кто обидел
Таких людей? — Никкак я не пойму.
Я все простил, когда увидел
На белой шее синнюю кайму.

1925 г.

ВСТРЕЧА С РОМАНТИКОЙ

На месте стоянки бродяг и калек,
прельстившись экзотикой хлама,—
вся в белом, как только что выпавший снег,
стояла прекрасная дама.

Еще за квартал мне махнула рукой,
к себе подойти приглашая...

Пришлось мне позвать ее выпить со мной
по чашке душистого чая.

Но дама мне резко: — Нашли чем пленять!
Не надо ни ласк мне, ни чаю.

Не знаете разве, что в жизни меня
романтикою величают.

Давайте мы лучше, не тратя часов,
займемся интимной беседой.

И души согреем огнем наших слов,
как ноги озябшие, пледом.

Я знаю: вы тоже в меня влюблены,
как школьник в героев Жюль - Верна.
Еще до сих пор легендарные сны,
признайтесь, вам снятся, наверно.

Вам снится : трагический грохот пальбы
и труб величавые трели.

Вам снится легендою ставшая быль,
которую вы не воспели.

Исправьте ошибку : воспойте года
и дни героической были.

Воспойте суровое время, когда
по тезисам дрались и жили ;
когда не туманились ваши сердца
пахучею ватой черемух ;

когда вы дрожали за слиток свинца,
за каждый тактический промах ;

когда вы боролись, грызя сухари,
за лучшую участь потомков ;
когда освещали вы, как фонари,
грядущего быта потемки.

Воспойте былое — пусть вновь зазвучит
в стихах перекопская удадь.

И зорко храните свой меч и свой щит,
борьбы не закончив, покуда.

— Простите, — я вымолвил даме в ответ, —
пояснить с прошлым нельзя ведь.

И образов нужных, и слов таких нет,
чтоб ими былое прославить.

Великие битвы воспеть бы я рад,
но хватит ли силы у слова?
Ведь ярче и красочней сотни баллад
мельчайший
из фактов
былого!

Ш Л Е М

Еще и гром гражданских битв не стих,
И шлем на войне, как прежде, блещет.
Но я о нем вызваниваю стих,
Как о музейной вещи.

Что делать: жизнь идет быстрее часов,
Но, как часы, не портится от хода.
Не только шлем, но и самих бойцов,
Мы забываем год от года!

Другие битвы поджидают нас,
Другие ружья и другие шлемы.
Но я о прошлом поведу рассказ,
И шлем послужит вроде темы.

Как шьют теперь, он сшит не из сукна —
Не так изящно и не так опрятно.
На новых шлемах нет нигде пятна,
А этот — весь в кровавых пятнах.

Он, видно, участи своей не рад:
В тиши музея он о битвах бредит,
Но принимает каждый день парад
Зевающих любителей трагедий.

Они проходят длинной чередой,
Не останавливаясь перед скромным племом.
И в самом деле: что им шлем простой,
Коль не ходил в нем лермонтовский демон!
Но все ж они, чтоб оправдать расход,
Рассматривают пушки и знамена
И невзначай спешат дать задний ход
Пред воином из пакли и картона.
Ведь, как - никак, смущали их покой
Живые войны в такой же форме.
Так им ли вспоминать, как я, с тоской
О сухопутном шторме?
Лишь только я заметил старый шлем,
Как сердце ёкнуло от злости и волненья:
Он для других — ничто, но мне он дорог тем,
Что вижу в нем участника смятенья,
Что вижу в нем свидетеля тех лет,
Когда и вещи чувствовали тоже
Неповторимое величие побед,
Как чувствуют царапину на коже.
Сухая кровь, как экскурсantu гид,
Мне помогает разбираться в прошлом,
В котором трудно было обойтись без «гидр»,
Как государству без высоких пошлин.

Сухая кровь, как шлем и как плакат,
Здесь числится музейной вещью.
Но кажется, что кровь из недр виска,
Как из насоса, хлещет.
Но кажется, что оживает воск
И воин снова к битвам ждет сигнала,
Как провинившийся ребенок — розг
И как солдат в походе ждет привала . . .
И, вспомнив прошлое, я шлем к груди
прижал,
Прильнул к нему горячими губами.
Но в это время сторож закричал:
— Здесь ничего не трогают руками!

ДЕВУШКА МАРИ

Солнце словно истекало кровью
На железные макушки крыш, —
Жизнь великой смертью и любовью
Начинённый порохом Париж.
Смутных башен розовели плечи
От горячих орудийных ласк.
Тихий, тихий, деревенский вечер
Уползал из-под навеса глаз.
Даже пули не пугалась лошадь,
На огонь не лаял больше пёс;
И на плечи взваленную ношу
Каждый к месту без боязни нёс.
И, слюною орошая губы,
Говорили дети меж собой:
— Если снова затрубили трубы,
Значит — скоро разгорится бой.
Значит — ждут нас песни и работа
Там, где ружья чистит батальон.
С рыжим солнцем спорил позолотой
Их волос раскинувшийся лён.

Жёны, туже заплетая косы,
Вытирали слёз живую ртуть.
И дома качались, как матросы,
Как матросы пьяные в порту.
И качались девушки от боли,
От любви и от пролитых слёз.
И молчали трубы, словно в поле
Без угля притихший паровоз.
А под утро закрывали веки,
Закрывали веки фонари.
О Луи — любимом человеке —
Тосковала девушка Мари.
И под утро шла Мари на площадь
Целовать усталого Луи.
Ей казались баррикады рощей,
Где воюют свистом соловьи.
Но не знала девушка, что пули
Целовали друга до неё.
И Луи на смертном карауле
Прижимал, как девушку, ружье.
И узнала девушка, что в битвах
Не воюют свистом соловьи,
И с ружьем, без слез и без молитвы,
Заменяла мертвого Луи.

ГЛАЗАМИ МОРЯКА

Не хмурило море зеленого лба,
и волны не бились в припадке ;
И небо, и море, и часек мольба —
все было в отличном порядке.

Дымил труба, как заправский моряк,
свой ранг соблюдая и норов.

Команде судна — не до гроз, не до драк
и даже не до разговоров.

Ни ветра, ни тучи — силошной синевой
небесный был выкрашен купол.

Сосед мой тревожнее, чем часовой,
глазами окрестности щупал.

Тревога его раздражала меня,
как плач среди смеха или пенья.

Ведь почти не ждут среди белого дня
без солнечного затмения ?

Сосед мой был чуток, почувствовавши
немое мое раздраженье.

— Вам чужды волненья матросской души, —
сказал он в мое утешенье.

Пусть море спокойней и глаже стекла,
и небо пусть паруса чище,
Но знайте, что к вечеру буря и мгла
нас ждут, мой беспечный дружище.

Я чувствую это чутьем морляка,
с тревогою глядя на море.

Вы с бурей, что крадется исподтишка,
мой друг, познакомитесь вскоре.

Про бурю расскажет звенящая медь
всем жителям на пароходе.

Предчувствовать бурю должны мы уметь
при самой тишайшей погоде.

Не важно, где мы коротаем свой век—
в скитаниях или же дома,

Но надо, чтоб мог предсказать человек
нашествие бури и грома.

И в жизни, как на море, надо, мой друг,
среди тишины и покоя —

предчувствовать бури шальную игру,
чтоб смерти не сдаться без боя.

Как небо над нами, над нашей страной
безоблачным кажется небо.

(Конечно, за вкусной и сытной едой
не станешь и думать о хлебе).

Мы рады, что длится желанный покой,
что мирно колышутся флаги.
Но следует тенью тревога за мной
и вновь призывает к отваге!

ТОВАРИЩУ

Скажи, скудеет разве жизнь опять,
Как нюх стареющих щеек?
Что мы — иль скорбью начинаем щеголять,
Иль удалью на несколько копеек?
Крепиться надобно: нельзя, как тарантас,
Чтоб развинтилась наша поступь.
Чем больше мужества и зорче глаз,
Тем легче к будущему подступ.
Крепиться надобно: вскипят дела
Не уже мексиканских прерий...
Покамест же ни с горя, ни со зла
Не вскроем собственных артерий.
Покамест же забудем, как узор,
Героикой привитые привычки:
Нельзя же тлеющий костер
Предпочитать горячей спичке!
Нельзя же жизнь, как яблоню, трести,
Чтоб вечно яблоки геройства кушать,
Но надо, чтоб хватило храбрости
И для сбирания ракушек.

Не стали б жизнь, как город, штурмовать,
Чтоб только слышать грохот разрушенья.
Разрушившим и оценить под стать
Медлительную песню обновенья.

Вот почему спокоен и суров
Быть должен стих наш об ухабах быта.
Пора, быть может, кистью сочных слов
Прославить снова лунное копыто,
Пора, быть может, как вождю, почет
Воздать черёмуховой ветке...
Иссяк романтики текущий счет,
И пафос битв стал пафосом беседки.

Но выше голову и тверже шаг:
Жизнь презирает тех, кто мямлит.
Зачем чтоб выдуманная душа
Терзалась, как на сцене Гамлет?

Пускай скудеет наша жизнь опять,
Как нюх стареющих щесек,—
Но не к лицу нам скорбью щеголять,
Ни удаью на несколько конесек!

КАРАИМКЕ

Не грусти, не наливай, как грушу,
Жёлтым соком смуглое лицо.
Разве надо надевать на душу,
Как на палец, грузное кольцо?
И зачем свои тревожить брови
И дрожать тяжелой дрожью век,—
Если счастье сам себе готовит
Каждый зверь и каждый человек.
Не грусти, что только сорок тысяч
Говорят на языке твоём
И что легче, чем ребенка высечь,
Это племя истребить мечом.
Не грусти, что караимов мало,
Что рассыпан горстью твой народ,—
Слышал я, как звонко целовала
Ты чужого парня у ворот.
Значит, можешь ты без караима,
Без родного дома обойтись.
И зачем тебе родное имя,
Если имени роднее — жизнь?

Это только небо нужно звездам,
Это птица прячется в гнездо.
Человек не для того же создан,
Чтоб стеречь собакою свой дом.
Так зачем свои тревожить брови,
И дрожать тяжелой дрожью век,—
Если счастье сам себе готовит
Каждый зверь и каждый человек!

РАЗГОВОР С ГОЛУБЕМ

Взобравшись ко мне на плечо, как на шест,
Выпрашивал голубь свиданья.

— Простите, — сказал он, — бестактный мой жест,
Но это — продукт воспитания.

Я вижу обиду на вашем лице :
С людьми вам куда как приятней,
Вы бурно проводите жизнь во дворце,
Я скромно живу в голубятне.

Но разницу эту забудьте на миг,
На время беседы со мною.

Я вас оторвать от людей и от книг
Попробую речью простою.

Старинная слава гуляет среди вас,
Что будто я кроткая птица,
Что будто из наших малюсеньких глаз
Любовь со слезами сочится.

Быть может, и так. Голубиную честь
Готов, как детей, охранять я.
Нам кротость привычна. Но надо учесть,
Что знаем и гнев, и проклятье.

Что, чуя опасность, мы кротость свою
На время под перьями прячем.
Любовь — что скрывать — хороша, но в бою
О ней рассуждают иначе.

И телом, и духом — я голубь впопне,
Ценю милосердье и дружбу.
Но скоро, быть может, придется и мне
Пойти на военную службу.

Черпайте отвагу на случай войны,
Как воду ведром из колодца.
С врагами, в защиту любимой страны,
Я крыльями буду бороться.

А вы, чтобы враг не разграбил ваш дом,
Готовьте в бой роту за ротой.
Забуду я ради борьбы со врагом
Любовь и семейную кротость.

ЛОМОНОСОВУ

Не пышную завивку парика
И не камзол дворянского покроя —
Я чту в тебе смекалку мужика
И чту твое обличье простое.
Твой гений был расчетлив, как дикарь,
Величественней северных силлий.
Вот почему суровые века
И помнят путь твоих скитаний.
Оставив край расшатанных лачуг,
Болотный край угрюмого молчанья,
Ты бросил невод и сказал: хочу
Я дел и слов необычайных.
В иные воды проникал твой взор,
Иную сеть ощупывали руки.
И пешаком из дальних Холмогор
Пустился в поиски науки.
Сын рыбака, с упорством рыбака
Ты уважать тебя вельмож заставил.
И смог с дубовым посохом в руках
Достичь хрестоматийной славы!

ПАЦИФИЗМ

— Пусть вам не кажется, угрюмый иудей,
что вы — сошедший с гобелена витязь.
Кривыми слями своих бровей
вы лучше дружески мне улыбнитесь.
Ничто, как только вздор и дребедень,
все ваши романтические бредни.
Поймите, наконец, что в будний день
не служат никогда обедни.
О канарейках и о васильках
мечтать серьёзно начинают люди,
а вы, как встарь, стоите на часах
у остывающих орудий.
Ведь ради вас я в комнате своей
тушу лампадки — бабушке на горе,
а вы становитесь все сумрачней и злей,
как в непогодь припадочное море.
Над нами небо моря голубей,
а перед нами — голубые воды:
давайте, как из клетки голубей,
из сердца выедем свои невзгоды.

Чем наша дача — лучших мест и нет
для нежных ласк в часы любовной встречи,
что вы — большой романтик и поэт,
забудьте в этот золотистый вечер.

Присядьте ближе. Дайте руку мне
и голову склоните на колени.

Как хорошо забыться в полусне
и в полутьме, как две немые тени.

Как мне, и вам, надеюсь, не до битв,
когда закат пленяет нас загаром,
когда Донец лирически скорбит,
что Доном он не назван даром.

Я рада вашей милой болтовне,
а рассужденья пропускаю мимо.

О мировых проблемах и войне
не говорят в присутствии любимой.

Я рада, что заговорили вы
не о тревоге, а о женской шее:
любимой ради даже львы
агнят становятся нежнее.

Припоминая, что приснилось мне,
встаю и хмуро разминаю плечи.

Простите, други, что во сне
я покорился пафлистской речи.

СТАНЦИЯ ГОМЕЛЬ

Слезаю, обиду на поезд тая
За медлительную походку,
За то, что к родным, по забытым краям
Меня не причалил, как лодку.
За то, что за чаем томлюсь в суете
С обидою и чемоданом.
За то, что мещане вдоль стоек и стен
Пьют пиво стакан за стаканом.
Чем здесь любоваться и радовать глаз
И скрасить часы пересадки?
Не могут застрять среди шляпок и ваз
Героические остатки!
Зачем же за чаем ощупывать зал
Калмыцкими глазами?
Не в силах спящих людей карнавал
Заставить, чтоб стих я и замер...
Обида во мне, накаляясь, росла,
Как в драке растет озлобленье.
Дразнили своей наготой зеркала
И требовали приближенья.

Я к самому крайнему мрачно, как враг,
Приблизился галстук поправить,
Но через минуту раскис и размяк
Из-за зеркала без оправы:
На нем пламенели из бронзы слова
О мировой революции...
Казалось, что не выдержит голова
И тут же расколется блюдцем
Так был я обрадован тем, что нашел
На зеркале эту находку...
Мещане спокойно садятся за стол
И пьют уж не пиво, а водку.
Я верен себе и за зеркало рад,
Что лозунг оно сохранило...
Сквозь пиво, сквозь вазы, сквозь сотни
преград
Пробудится лозунга сила!

О РОДИНЕ, КОТОРОЙ НЕТ

Россия в ситцевой рубахе,
страна моя и не моя,
но за тебя взойти на плаху
готов и я!

Готов от вас принять проклятья,
израиля сыны,
за то, что я раскрыл об'ятья
не для своей страны.

Что мне до родины далекой,
затерянной в песках,
когда, что ни окину оком —
все взвешено в руках!

Все дорого и все знакомо,
как близкого черты лица,
как силуэт родного дома
с кривою вербой у крыльца.

Ах, родина, как мать - старуху
тебя любить ты не зови:
здесь родственники мне по духу,
там родственники по крови.

Зов братской крови заглушая,
я родины не признаю нигде,—
кто жажду утолил стаканом чая,
тот не помыслит о сырой воде.

Под знаменем любви к отчизне,
захлестывает нас вражда;
друг друга мы лишаем жизни
без совести и без стыда.

Достоин вашего проклятья,
фанатики моей крови,
за то, что не могу порвать я
с отчизной мира и любви.

В ней человек растет иной породы —
с душой просторной, как поля.
Его семьею — будут все народы,
а родиною — вся земля.

Россия в ситцевой рубахе,
страна великих дел и слов.
Вот почему я за тебя на плаху
взойти готов!

КЫЗ АЙШЕ

Мечеть, подняв единственную руку,
За бога голосует с давних пор.
Иду туда, чтоб с век смести мне скуку,
Как со двора сметает дворник сор.
Там зорко ловит запах мой татарка,
Как ловят конокрады лошадей.
Он сквозь прибой и сквозь пахучесть парка
К ней долетит до маленьких ушей.
Ее глаза в тревоге по тропинке,
Как рельсы, дотянулись до меня.
Зачем на голове горит костер косынки,
Когда хватает в ней самой огня?
Я издали кричу ей: добрый вечер!
Смотрите: кровью налилась луна.
Как хорошо, что и при этой встрече
Присутствует японская сосна!
Давайте с вами тихо поболтаем,
Как будто здесь не море, а ручей.
Я восхищён горбатым вашим краем
И гордой грустью бронзовых людей,

Здесь все иначе скроено и сшито,
Но я в плену других имён и слов.
Мне кажется, что море — это жито,
А горы — это скирды из снопов.

Здесь хорошо. Но все-таки на север
Меня влечёт случайный окрик птиц.
Хотя и в озими и в яровом посеве
Увижу дрожь мне дорогих ресниц.

Здесь хорошо. Как детская головка,
Курчавится в шоле виноград.
Но все-таки мне тесно и неловко,
Когда кругом меня цветущий сад.

Люблю свою бесхитростную местность
За скромный нрав и уличный прибой.
Здесь каждый куст и каждый гид — известность,
И горы с морем спорят красотой.

Я не могу здесь ни писать, ни думать,
Мне лень цедить, как молоко, слова.
Среди толпы и городского шума
Моя приучена работать голова...

— Так много слов, но истины в них мало, —
Ответила спокойно кыз Айше.

— Как полк солдат, все против них восстало
В моей скитальческой душе.

Не все ль равно, где жить и где бороться,
В какой стране цвести и ответить?
Вам, верно, дорог плеск ведра в колоде,
А мне волна приветливей, чем мать.
Но и когда покину это море
И мудрость призадумавшихся гор,—
В чужом краю мой будет шаг проворен,
Как был проворен он и до сих пор.
Я не хочу быть подданной привычки:
Мой мир возможностей просторен и богат.
Мне суждено везде летать, как птичке,
А вам — паседкою высиживать цыплят.
Прощайте, архадаш. Не стану плакать:
У вас иная жизнь, у вас иной разбег.
Навек привязана к хозяину собака,
Но быть собакою не должен человек.

1926 г.

Д Н И

Этих дней распластанное тело
Не должно валяться на земле.
Это б тело положить хотелось
На стекло в стеклянный мавзолей.

Чтобы внуки, приходя на площадь,
Знали горечь наших сладких дней :
Как живьем закапывали в рощах
Героических людей.

Как в походе не считали вёрсты,
А считали крошки сухарей.
Сберегая каждый фунт развёрстки,
Разбивали стёкла фонарей.

Так вот шли. И так годами жили
На затёртом льдами корабле.

У моряков не леденеют жилы,
Если путь — к намеченной земле.

От Москвы дошли до Сахалина,
Чтобы землю оденить кольцом.
Только больше вытянулось клином
Троцкого семитское лицо.

Только вождь, лежащий в мавзолее,
Не ко времени устал, притих.
Без него на запад тяжелеет
Проложить восточные пути.
Спотыкаясь, падают и снова
Дни бегут со знаменем в руках,
С лозунгом воинственных листовок,
С зверством пулемета и штыка.
Но проскочит без билета время
Сквозь года, как сквозь входную дверь.
И забудет будущее племя,
Отчего в нас копошился зверь.
Но сомкнутся радиусы в центре:
Будет жизнь просторней и ровней.
Мы недаром шкурою проценты
Платим за неведомых людей!

1925 г.

ДЕВУШКЕ НЕ МОЕГО НАРЕЧЬЯ

Думал я, что человек не гнётся
От любви, как тонкая лоза.
Пил я в детстве воду из колодца,
А теперь я пью твои глаза.
Милая, мне больно и мне жутко,
Что и я, как тысяча других,
Что и я любовной курткой
Согреваю свой холодный стих.
Было тихо. Было все на месте,
Без тоски и без дрожащих рук.
Был мне шум шагов моих известен,
Как часов однообразный стук.
Но, как все, ногами в быт врастая,
Вместе с темой я снижаю стиль.
Милая, пойми, что не проста я
Воспеваю чувственную гниль.
Видно я, как все, забыл о веке,
Когда жизнь ломалась, как стекло,
Когда в самом тихом человеке,
Храбрость, будто дерево, цвело.

Видно, храбростью мы больше цвести
не будем ;
Видно, ближе нам любовный жар.
Вместе с днями облиняли люди,
Как линяют ситец и загар.
Оттого и мое тело гнётся
От любви, как тонкая лоза.
Пил я жизнь, как воду из колодца,
А теперь я пью твои глаза.

О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ КИТАЯ

Садись и выслушай: не часто настужь душу,
как двери, раскрываю пред тобой.

Но ради этих строк без жалости нарушу
мой мудростью обвеянный покой.

Садись и выслушай: ты не сумеешь стоя
в письме почувствовать волнение слов,
как дышат строки резвостью прибоя
и мужеством испытанных бойцов.

Возьми письмо, читай — оно от брата,
чей смехом полон скалозубый рот.

К его годам нам больше нет возврата:
к нам детство лишь со старостью придет.

Возьми письмо, но не читай о школе,
о том, что мать горюет обо мне,
что с белым трауром рассталось поле,
что город млеет в солнечном огне.

Другие строки взволновали душу,
и ради них я складываю стих;
как после плавания встречают сушу,
так радостно я встретил их.

Мне пишет брат : — из - за Китая мук
терплю я в школе чуть не каждый день.
От этих мук слабеют мои руки
и мое тело превратилось в тень.
Ты, я уверен, с картою Китая
хотя поверхностно, но все - таки знаком.
Так вот её от края и до края
раскрашиваю кистью и пером.
Люблю гореть в воинственном азарте,
но даже мне приелось не просто
одни и те ж провинции на карте
окрашивать в различные цвета.
Окрасишь лóскут белым или черным,
а завтра — перекрашивай опять !
При всем желаньи быть проворным,
я от событий должен отставать.
Мне непривычно красочное море,
как океан привычен кораблю.
Нет больше сил. Всю карту с горя
Я красными чернилами залью.

НЕДОМЕРОК

Д. В. Зеркаловой

Я не вхожу в оценку ни игры,
ни толкованья роли недомерка.
Ко всем вещам с младенческой поры
привычна мне скептическая мерка.
Я не из тех, кто каждому готов
в ладоши хлопать, хлопая ушами.
Когда бы киноварь я принимал за кровь,
вы б насмехались надо мною сами.
Но это вскользь. Нельзя же грудой слов
и отступленьями сюжет коверкать...
Своей игрой вы воскресили вновь
давно загубленного Недомерка.
Не знаю, кто ей это имя дал,
но лучшего нельзя было придумать
для девушки, чья жизнь — сплошной скандал,
для девушки, не знавшей про угрюмость.
Какая жизнь в полесском городке
Со скудным левитановским пейзажем?
Но никогда не видел я в тоске
Ее лицо, напудренное... сажей.

Ей только кличку и веселый нрав
Оставили родители в наследство.
Но с ней провел я в хохоте забав
Однажды лишь даруемое детство.
Текли года, как мимо корабля
текут без остановки волны...
Покамест от крови набухшая земля
Нам не сказала — улыбаться полно,
Улыбка может радовать друзей,
Но недругов не победит улыбка.
С тех пор косноязычье батарей
нас убаюкивало, словно скрипка.
Мы подружились быстро со свинцом,
Сменивши хороводы на атаки...
И вышли из бесстрашных сорванцов
Такие же бесстрашные вояки.
Мы рядом шли, готовясь рядом лечь,
убитые осколками из стали.
Последней теплотой продрогших плеч
друг друга мы обогревали.
Но смерть за горло кто из нас возьмет
и кто звезде прикажет, чтоб не меркла?
Один налет. Всего один налет —
и я навек лишился Недомерка.

Утраты скорбь не так уже остра,
воспоминанья прошлого потухли.
Но Недомерка в вас узнал я, несмотря
на ваши лакированные туфли.

О ДЕТСТВЕ И ДЕТВОРЕ

Как влагу, строки впитывать я рад,
И мне знакома их немая сила.
Но даже этим счастьем детвора
На много миль меня опередила.
Гляжу на них, сидящих у стола,
Где груды книг напластаны возами.
Гляжу на них — и солнца прочный лак
Тускнеет перед их глазами.
Они, как чай, глотают каждый слог,
Над каждым словом тужатся до пота.
Как больно знать, что в детстве я не мог,
Как эти дети, вдумчиво работать!
Как больно знать, что я плохим пловцом
Пускался вилась по неизвестным водам!
Недаром так состарилось лицо
И пыл, как пыль, теряю с каждым годом.
В каютах мозга жалюсь от тоски
Плывущие в пространство мысли.
Жизнь изношенную, как носки,
Хотел я под ногами выстлать...

Но я не смог ракетой без конца
Кувыркаться в ложном небе :
И пригибал к земле, совет отца
Мой неокрепший детский стебель.
Я рос и вырос. Знаю — что и как
(Так знал я в букваре картинки).
Но и теперь стучит в висках,
Что пройдены не те тропинки.
Мои глаза, как за столом глаза,
Мережили, но не такие строки.
Отбросить дни нельзя назад,
Как за ухо скользящий локон.
Нельзя, чтоб мне — пятнадцать лет
И снова стать подростком.
— Был низенький, как мотоциклет,
А теперь подрос как.
Это девушки — наперебой,
Завидуя годам и росту.
Они не знают, что возраст мой
Мне ненавистнее коросты.
Я в двадцать лет — такой большой чудак,
Меняю жизнь на ямбы и хорен.
Как на коньках, скользят мои года,
И сердцем я не по годам старею.

В стихах мне дорог каждый ловкий трюк,
А детвора — жуёт передовицы.
И оттого я с завистью смотрю
На их упорством налитые лица.

1925 г.

О ВЕСНЕ И ПРОФЕССОРЕ

Как дырявые кастрюли слесарь,
Чинит солнце нашу плоть весной.
За столом, эгекая, профессор
О весне беседовал со мной:

— Как будильник, солнце спящих будит,
Наливая в мускулы огня.

Как статисты, суетятся люди,—
Говорил он, шурясь на меня.

— Сколько прыти, сколько сил и чувства
Мы теряем за одну весну!
И какое глупое кощунство
Оскорблять томлением луну!

Каждый знает, каждому известно,
Что весну мы ценим, не любя.

Удивляюсь, как не надоест нам
Каждый раз обманывать себя.

Но мы любим сохранять обряды,
Поклоняясь людям и богам.

И, сменяя, зимние наряды,
Человек меняется и сам.

Он теряет свой рассудок проще,
Чем ребенок носовой платок,
И меняет кабинет на рошу,
А дела — на липовый цветок.
Знаю сам, что солнце в силах трогать
Даже самых дряхлых стариков.
Потому что в эти дни на дёготь
Густотой похожа наша кровь.
Но к чему же, соблюдая даты,
Жить по солнцу и календарю?!
Оттого теперь, как и когда-то,
На людей с усмешкою смотрю.
Впрочем, рад я, что не вижу снега,
Что мороз разжал свои тиски...
Если вам не трудно, то... коллега,
Я сыграю с вами в городки.

1925 г.

СВИНЦОВАЯ ЗИМА

Зима заводит карусель,
Шарманку вьюжную настроив,
И стелет снежную постель
Во все года, при всяком строс.

Ей все равно, кого прижать
К своей груди оледенелой.
Скрипит, как ветхая кровать
Под десятипудовым телом.

Ей все равно, где сеять снег —
В столице ли, в степных просторах,
Когда сменить буранный бег
На тихий шаг и санный шорох.

Зима не слышит свиста пуль,
Ни песен юношей о мести,
Не видит хмурую толпу,
Шагающую из предместий.

* * *

Зима, оставь шоценом быть! —
Хрипя, кричали звездам люди.

Не нам с тобою быть на вы,
Давай в борьбе друзьями будем!

Бушуй, зима! Крути, метель,
Мети снега на баррикады!
Свети в беззвучной пустоте
Своим серебряным нарядом.

Звения, сугробы строй, пурга,—
Пушкой земля верблюдом станет.
Сломить упорного врага
Сумеем вихрями восстаний.

Довольно прятать нам лицо
Среди хоругвей и распятий,—
Наш рот приплюснутым свинцом
Пытался царь законопатить.

Бушуй, зима! Крути метель,
Слепи глаза декабрьской стужей!
Твою пушистую шинель
Зальют в бою кровавой лужей.

Бушуй и рви на части тишь,—
Исход борьбы еще неведом,
Но будешь завтра жестью крыш
Рукоплескать нам за победу.

Зима заводит карусель,
Шарманку вьюжную настроив.
Толпа на снежную постель
Легла, как шла, угрюмым строем.

И город был угрюм в те дни,
Испуганный казачьим гиком.
Истории седой дневник
Писался саблею и пикой.

Страна вздыхала, как борец
В пятиминутном перерыве.
Слабел мятежный стук сердец,
И лил, звеня, свинцовый ливень.

И вот теперь, когда в дневник
Вписали мы свои страницы,—
Свинцовые я вспоминаю дни
И пиками исколотые лица.

1926 г.

КУРТ О СЧАСТЬИ

(из поэмы)

Рыжий Курт с кошачьими глазами
Каждый день безмолвен, как звезда.
Каждый день он мастеру экзамен
Должен о заплатах сдать.

Стянут ромбом оробелый лобик,
Спутан волос, как библейский слог.
В сером тесте черепной коробки
Страх скользит, как по воде весло :

Тут не так положена заплата,
Там не смётана, как следует, петля.

И, утюжа воротник халата,
Крикнул мастер весело : — Сопляк !

Будешь, парень, старика удачней,
Купишь счастье, верь мне, за гроши.
Жизнь портных — нетрудная задача,
Нужно только правильно решить.

Курт, уткнувшись головой в машину,
Слушать речи старика привык.
Но сегодня, голову закинув,
Так ответил, что притих старик :

— Я не знаю, что такое счастье,
Но я знаю тяжесть утюга.
И какие у машины части
Я могу сказать не наугад.
Знаю также : жизнь кроить, как брюки,
Каждый должен человек уметь.
И не только жить машинным стуком
У меня рассчитано в уме.
Оттого мой смех идет на убыль,
Мои мысли тяжелее гирь,
Что не только, обжигая губы,
Раздувать я должен утюги.

1926 г.

Т Р А У Р

Боль, как змею, не засечешь кнутом
И, как собаку, не отгонишь камнем.
Боль надо мной, как лампа над столом,
Висит, чтоб ослеплять глаза мне.
Чтоб ослеплять глаза и душу жечь
Бессмысленным огнем пожара.
От этой боли вянет моя речь,
Как вянет лист от солнечного жара.
От этой боли пафос не спасет,
Ни лозунги о силе воли.
Хочу казаться холодней, чем лед,
А чувствую я пламя боли.
Хочу казаться я черствей, чем есть,
И хладнокровней, чем на самом деле.
Но трауром обведенная весть,
Как гвоздь в доске, сидит в тщедушном теле.
Сидит во мне и управляет мной
Как управляет лошадью извозчик.
Я должен сам краснеть перед собой,
Что искривилось тело, словно росчерк.

Что, как росчерк, искривился рот
И плач выходит вместо звонкой песни.
Свою же боль, как возмущенный взвод,
Не расстреляешь — хоть возьми и тресни !
К чему тогда высокие слова,
Что мы собою управляем сами ?
Коль нашим чувствам мы хозяева,
То почему они владеют нами ?
Я рад бы сбросить чувственную кладь
И не скорбеть так об угасшем брате :
Но кто из нас не станет горевать
О преждевременной утрате ?
Чужую боль мы гоним за порог,
И гоним искренно, без скрытой фальши.
Свою же, как истоптанный сапог,
Не выброшу я с глаз подальше !

1926 г.

ОТВЕТ

Друзья, вы, кажется, не дикари,
Чтоб ропот был так слишком гулок :
Он даже с Гоголевской три
попал в Дроздовский переулок.

Мне тяжело слышать, будто я
в стихах суров, а в жизни мягок ;
что я, себя в себе тая,
серьезно мыслю на бумаге.

А в жизни я, как бочка, — пуст
и шалопайничать охотник.

Худые слухи обо мне из уст
ползут, как псы из подворотни.

И даже та, которую считал
тургеневскою героиней ! . .

Та тоже, ради дружеских похвал,
про эти слухи говорит в уныньи.

Пускай ! Мне толки ни о чем
и ропот ваш, друзья, не грозен.

И я не менее других учён,
и я не менее ругих серьёзен.

Пока я юн, дозвоьте мне
шутить в житейском обиходе
И не грустить — ни при какой луне!
и не хандрить — „ни при какой погоде“!
Но дайте срок — исчезнет прыть,
исчезнет смех в потоках грусти,
и сам себе я буду говорить,
покая старость в захолустьи:
— Все чаще ты на мир глядишь,
как сквозь опущенные шторы.
Минувшее — не возвратишь,
а сказанное — не повторишь!

ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПОТРАСНУТ МИР

Пусть —

старый мир и в десять лет
нельзя нам на смерть потрясти,
но мы идем —

путем побед,
по верному пути.

Пускай,

блаженствуя еще,
он доживает дни свои.

Придет пора —

пред'явят счет
ему гражданские бон.

И наша кровь,

и наша плоть,
что тратились в боях,
его сумеют побороть,
не превращая в прах.

Он станет наш —

огромный мир —
и с солнцем и с луной!

В нем будет каждый —

командир

и каждый —

рядовой.

Но до желанного конца еще
окрашен кровью путь.

Рука к руке,

к плечу плечо —

Успеем отдохнуть!

Через трясины и моря,

сквозь дебри трусости и тьмы,
в борьбе,

как в пламени горя,

достигнем счастья мы.

Конечно,

счастье не растет,

как плод на дереве

в саду;

его нельзя,

открывши рот

кусать,

сорвавши на ходу.

Мы знаем:

путь наш —

дик и крут,

в огне
и в грохоте мортир.
Но эти годы
потрясут
еще не потрясенный
мир !

ЗАКАТ

С самим собой прощаясь на постели,
Твержу, губами кислород ловя:
Жизнь восхитительна, как трели
альябьевского „Соловья“!

Пушкай густой чахоточный румянец
Горит закатом на моем лице, —
Оберегая жизнь, как ученик свой ранец,
Я редко думаю о гибельном конце.

К чему скорбить минорною октавой
И перед смертью двери раскрывать?
Пока я жив, пока сквозь щели ставен
Сочится солнце на мою кровать.

Я рад, что жив и что теснятся мысли
В мозгу моем, как в доке корабля.
Я рад, что жизнь, мне мало дней отчислив,
Смогла их кровью творчества облить.

Я рад, что прожил годы бездорожья
И годы путанных и сверенных дорог.
Жаль только, что, добравшись до подножья,
Самой горы я одолеть не смог...

Но не хочу, чтоб даже в дни заката
Звучал элегией мой бодрый стих.
Жизнь так стремительна, жизнь так борьбой богата
Что умирать — и то нельзя без бодрости!
И пусть меня заковывает сон в цепь
И настигает жизнь мою смертельный сон.
Но я благословляю
жизнь,
людей
и солнце
И все, во что я был
и не был я влюблен!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Интервью	5
Встреча с Романтикой	8
Шлем	11
Девушка Мари	14
Глазами моряка	16
Товарищу	19
Караимке	21
Разговор с голубем	23
Ломоносову	25
Пацифизм	26
Станция Гомель	28
О родине, которой нет	30
Кыз Айше	32
Дни	35
Девушке не моего наречья	37
О географической карте Китая	39
Недомерок	41
О детстве и детворе	44
О весне и профессоре	47
Свинцовая зима	49
Курт о счастье	52
Траур	54
Ответ	56
Десять лет, которые потрясут мир	58
Закат	61